

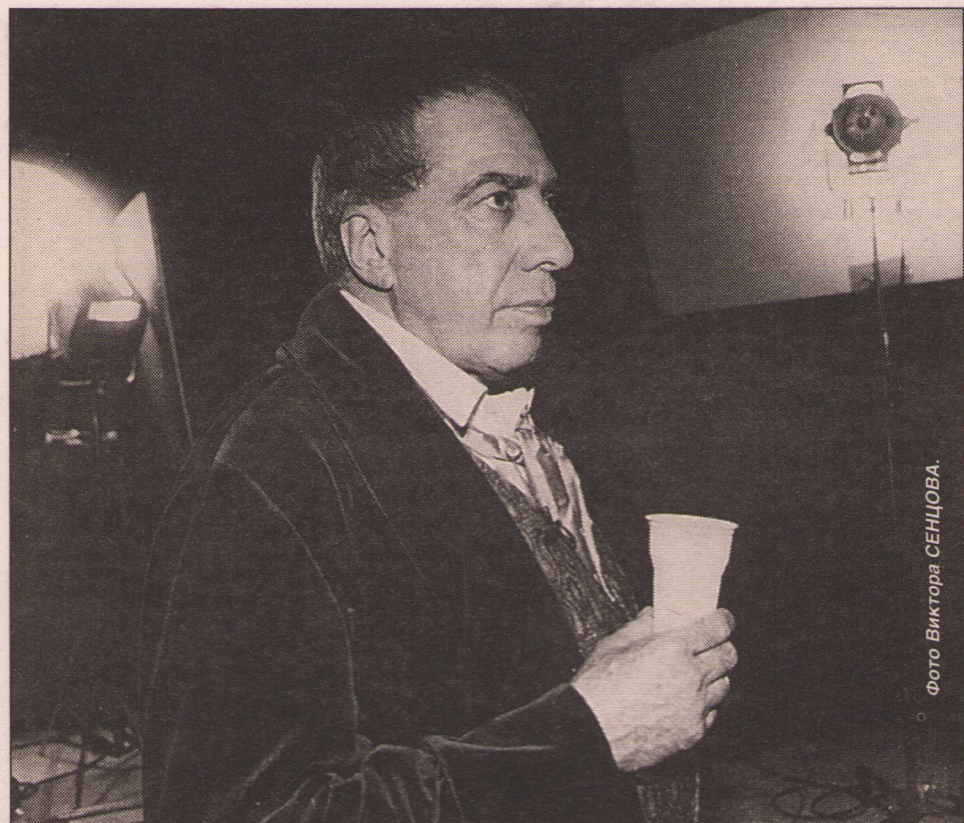

фото Виктора СЕНЦОВА

Сергей Юрский внимательно прочел принесенный на визу текст интервью: «Да, это мои слова, но это... не я. Вы видели когда-нибудь, чтобы в ресторане клиенту подавали жареное мясо? Закаывают азу, шашлык, отбивную, бифштекс... Блюда под названием «жареное мясо» в меню нет. Это ведь скучно! Так и наше интервью: все вроде бы на месте, но не хватает шампура, чтобы наизусть разрозненные куски... Может, напишете материал, как у вас не получилось интервью, или поделитесь впечатлениями от нашего общения? Не хотите? Тогда поступим иначе: приглашаю вас на мой вечер в Музей Герцена. Такие встречи проводятся раз в году, и я сам еще не знаю, о чем буду говорить завтра. Пока есть только название - «Содержимое ящика. Свободный монолог». Что окажется в ящике? Приходите, посмотрим. Вдруг найдем тот самый шампур, которого нашему блюду не хватает!»

«Недавно меня попросили назвать шестерку наиболее выдающихся людей двадцатого века. Я затруднился с ответом. А потом все же сказал: у меня есть список, но в нем сто пятьдесят имен, и все - первые. И еще 821 фамилия - вторых. Под конец века все меряется ростом. Великие люди затмевают нашу собственную жизнь. На их фоне мы словно мельчаем. Но ведь существует и четвертое измерение. Согласно ему, каждый должен прожить свою жизнь - единственную и неповторимую. Каждый».

- Все хотел спросить у матерого артиста вашего, Сергей Юрьевич, калибра: в аскезизме актерских грим-уборных есть какой-то тайный смысл? Почему они выглядят так по-казенному убого, словно...
- ...тюремная камера? Наверное, это делается специально, дабы ничто не отвлекало от подготовки к спектаклю. Впрочем, видывал я и богатые гримерки,

даже роскошные, но самая лучшая для меня осталась в БДТ, где мы с Олегом Басилашвили просидели лет восемнадцать, до моего ухода из театра.

- Чем же она была замечательна?
- Большая, просторная. У нас стоял огромный проваленный диван, на котором столько...

- Столько - чего?

- ...пролежано, просижено... А потолок? На нем оставили автографы несколько тысяч наших гостей - живого места не было, фамилии переплелись в клубок, покрыли все пространство в несколько слоев. Кстати, теперь Олег Басилашвили каждую неделю ведет на телеканале «Культура» программу именно из этой гримерки, значит, и ему она дорога.

- Зато здесь, в Театре Моссовета, у вас по стенам висят картины, портреты Георгия Товстоногова, Ефима Копеляна, Евгения Лебедева...

- Все появилось за последний год. Двадцать лет не было ни одной точки на стене, а теперь, когда я, по сути, стал отходить от театра, Ильин, мой сосед по гримерке, принес из дома портреты, а я - картины.

- А что это за плакат с иероглифами?
- Расписание моих репетиций в Японии. Оно выглядит очень уж необычно, поэтому я его сохранил. Это вызывной лист с фамилиями актеров.

- И ваша здесь есть?

- Я ездил ставить спектакль, а не играть, поэтому в список не попал, но написать свою фамилию по-японски могу. Правда, выглядит это не так красиво.

- Почему?

- В иероглифе ведь зашифровано слово. Будь у меня фамилия Зайцев, Воробьев или Плотников, ее можно было бы нарисовать. А что такое Юрский, как это изобразить? Моя фамилия пишется катаканой, набирается буквами, вот изысканность и теряется.

- Главное, чтобы по-русски фамилия звучала. Ведь был же в 70-е годы момент, когда вас по полной программе прессывали в Питере, добиваясь, чтобы все забыли об актере Юрскем.

- Момент! Он тянулся около десяти лет. В Ленинграде мне попросту не давали жить. Это же была чисто партийная история. Поступил приказ сверху, и для меня моментально закрылись все двери - на «Ленфильме», радио, телевидении. Моей приятельнице даже специально должность придумали: в ее обязанности входило не допускать появления Юрского на телеэкране. Даже упомянуть мою фамилию запрещалось, поэтому затирались титры, забивался звук. Это было! Приятельница сочувствовала мне всей душой, но ничего не могла поделать - работа. И все же она, другие люди вопреки приказу не размагнитили снятый мною в 71-м году фильм «Фиеста», сохранили его. Как я могу осуждать их после этого? Пять лет я боролся, пока не понял бесплодность усилий. Меня вынудили уехать из Питера в Москву, но и тут долго не оставляли в покое - не взяли во МХАТ, затем в «Ленком»... Да и сюда, в

Театр Моссовета, приняли с жутким скрипом.

- Команда взять Юрского в оборот связана с вашей реакцией на подавление «пражской весны» в 68-м?

- Я сейчас пишу книжку «Западный экспресс», в которой подробнейшим образом рассказываю о тех событиях.

«21 августа - важный день для меня. День ввода танков. Уж сколько лет прошло, а двадцать первого августа всегда происходит остановка жизни».

- Вы ведь были в Праге, когда город оккупировали советские войска?

- Танки меня не удивили, по-настоящему потрясло другое: как Прага изменилась за полгода. Я приезжал в Чехословакию в начале 68-го и наблюдал тот расцвет - интеллектуальный, духовный, художественный. Я ходил на спектакли и репетиции к Отомару Крейче (он, кстати, недавно приезжал в Москву на вручение премии Станиславского, и мы встретились спустя много лет), смотрел кинофильмы и поражался всеобщему подъему. Спустя шесть месяцев я приехал в Прагу, и это был другой город... Случившиеся перемены означали для

ПЯТНИЧНЫЕ БЕСЕДЫ

В вышедшей в 89-м году книжке «Без-время» есть рассказ, записанный мною со слов профессора-экономиста Юдовского. В конце Великой Отечественной профессор оклеветали, чтобы дать десять лет лагерей - якобы за шпионаж. Юдовский отсидел почти весь срок, когда вышло постановление об амнистии. И вот стоит мой профессор в огромной очереди за справкой на освобождение. Час стоит, два, три... Хочется пить, есть, в уборную, но и выйти из очереди боязно. Столько лет ждуть, чтобы затем пропустить сладкий миг? Вдруг к профессору подходит незнакомый человек и говорит: «Вы Юдовский? Проходите». Они идут в соседнюю комнату, какие-то люди берут документы и ставят в них отметку о... новом десятилетнем сроке. Юдовский начинает кричать, доказывая, что совершена ошибка. Но поздно: амнистия отменена, вместо нее - возвращение в лагерь с мыслью, что больше оттуда никогда не выйти.

- Это гипербола?

- Абсолютная правда! Я рассказал эту историю, чтобы вы поняли, как может возникнуть уныние. Все мы стояли в очереди на освобождение, дни считали, а вместо этого нам повторно ввели новый срок на полную катушку. Я свой

Юрские

Известный актер и режиссер, как прошел путь от уныния к обретению

меня полный слом веры в справедливость. Пережитые тогда чувства я описываю в новой книге. Пишу свободно, предельно откровенно, хотя и раньше ничего не скрывал, отвечал, если спрашивали.

Рассказать о Праге я решил несколько лет назад, когда оказался в больнице в весьма тяжелом состоянии. Именно в книге «Жест» я смог обозначить для себя временные рамки периода уныния, которое я ощущал многие годы.

Началось все с Праги. Я вдруг понял, что все хорошее обречено на поражение. Всегда! Даже когда ты умрешь. Так зачем жить?

- И как вы ответили себе на этот вопрос?

- Долго ничего не понимал и пребывал в кромешном унынии. Нет, жизнь не прекратилась, у меня в 73-м году родилась дочь, я продолжал работать, много играл в кино, театре, увлекся режиссурой, ставил спектакли, снял фильм, но это была одна сплошная пень об унынии. Я не верил, что эта полоса когда-нибудь закончится.

- Даже смеялся, пребывали в миноре?

- Безусловно!

- Выходит, «Золотой теленок» совпал с началом вашего унылого периода? Играл Остала Бендера со слезами на глазах?

- «Теленка» мы закончили снимать в 67-м, еще до пражских событий. Кстати, и реакция на фильм сперва была не ахти, средняя. Картина набрала популярность с годами, но дело не в этом. Я ведь рассказываю о настроении, с которым жил, а не о внешней череде событий. Со стороны все могло выглядеть вполне нормально, да и в действительности жизнь состояла не из сплошных черных тонов. Она ведь, жизнь, не пишется одной краской, в ней масса оттенков, в том числе и светлых. Но общий фон был темным. Я разуверился и даже сочинил об этом повесть, которую долго никому не показывал.

- «Чернов»?

- Я писал ее лет пятнадцать, потом все же напечатал и даже поставил по ней фильм. Так совпало, что примерно в то же время меня покинуло уныние.

- Словом, с 90-го года вы снова оптимист?

- Нет, мой мрачный взгляд на многие вещи, в том числе на будущее нашей страны, не изменился, но нежелание жить ушло.

- А доходило и до этого?

- Конечно. Даже вспоминать страшно.

Конец правды. - 1999 - 5 февр. - с. 16-17

АНДРЕЯ ВАНДЕНКО

отрицательных эмоций. Ссылку я не помню: отца отправили в Саратов, когда мне исполнился год. В 37-м грянула так называемая малая реабилитация. Берия вернул часть последних жертв Ежова, и отец попал в число счастливиц. Наверное, это стало главной удачей его жизни...

Отец был идеальным человеком. В 43-м году он даже вступил в партию и сделал это по убеждению.

- Вступил или восстановился?

- Раньше его не принимали из-за социального происхождения: сын священника. А в войну вышло послабление, и отец проскочил. В то время он работал художественным руководителем Союзцирка, и должность требовала членства в партии. Но отец, повторяю, шел в КПСС абсолютно добровольно, идейно. Когда в 49-м, кажется, году отца исключили, это стало для него ударом. Он начал требовать восстановления. И лет через пять добился-таки своего!

- А за что выгнали?

- Официальная формулировка: за развал идеологии и протаскивание формализма в советский цирк. Полный бред! Фактически же отца наказали за то, что он дал работу тем, кого называли космополитами. Национальная проблема все-

«Иногда достаешь из ящика какую-нибудь вещь, и так защемишь сердце... Боже мой, почему это лежит здесь? Как я мог забыть? А потом в ящик опять начинают сваливаться разный мусор, и находка растворяется в массе безделушек. Коснется ли рука хозляина когда-нибудь ее еще раз?»

- И все-таки, если человек в 55 лет приходит к Богу, это, извините, напоминает капитуляцию.

- Нет, совершенно нет! Скажем, крест я стал носить задолго до того, как получил на это право. Крест мне надел Отар Иоселиани. Он приехал в Ленинград, мы с ним очень хорошо общались, хотя и не были близкими друзьями. Как-то сидели, я рассказывал о своем унынии, а потом Отар, по привычке презрительно скривив губы, сказал: «Мамочка, что-то ты мне не нравишься. Значит, что я сейчас сделаю? Сниму с себя крест и надену на тебя. Я его не дарю, крест не дарят, но ты пообещай, что будешь носить его всегда».

Так начался мой путь к религии отцов. Прошло года полтора. Как-то я оказался в Тбилиси. И снова мы сидели с Отаром, выпивали. Уже при прощании

периоды

автор нескольких книг рассказывает, веры в справедливость

гда стояла, а отец приходил в бешенство, когда сталкивался с антисемитизмом. Он демонстративно все делал назло врагам, из принципа продолжал дружить с евреями. Естественно, однажды это аукнулось.

Но интересно, что, вернув партбилет, отец опять стал функционером: его назначили начальником отдела театров управления культуры Ленинграда. Нет, Юрий Сергеевич - личность незаурядная.

- Как-то вы обмолвились, что чувствуете вину перед отцом.

- Не могу назвать себя плохим сыном, не стану утверждать, будто мало любил родителей, но... Любить надо жертвенно. Говорю вам это определенно, а больше ничего не скажу, очень уж интимная тема.

- Жаль.

- Почему?

- Хотел коснуться еще более личного вопроса о том, как вы пришли в 90-м году к необходимости креститься.

«Что в ящике? Это интересует всех. Особенно если ящик чужой. Хотя там, внутри, зачастую оказывается всякий хлам, все равно тянет заглянуть под крышку, покопаться в содержимом в надежде найти что-нибудь этакое...»

- У меня есть рассказ с названием «Четвертое измерение». Он маленький, всего на полторы страницы... Однажды я понял, что, помимо горизонтальных связей, взаимоотношений с родными, коллегами, зрителями и читателями, существуют связи вертикальные. Если жить только земными, повседневыми проблемами, то и голову поднять некогда. Да вроде бы и ни к чему. Но ведь мы все здесь находимся не только для того, чтобы есть и пить, верно? Ответ на этот вопрос предстоит держать каждому. И отвечать на него наедине. С кем? Я не говорю этого. В рассказе стоит пропуск.

- В некоторых религиях так и поступают, не называя Его имени.

- Даже в старославянских книгах отсутствует гласная: Б-г. Но дело не в этом. Как и не в том, чтобы объяснять сейчас смысл моего обращения к религии. Важнее понять: горизонтальными связями человеческое существование на Земле не исчерпывается. Есть еще нечто.

фото Валерия ПЛОТНИКОВА

1991 год. Юрский вышел из уныния.

Иоселиани неожиданно спросил: «Крест носишь? Отдавай обратно. У тебя все хорошо». И я снял крест, чтобы вернуть его Отару. Так было...

Какая тут капитуляция? Нет, это другое. Но дальше распространяться не будем. Поставим на этой теме точку.

Об ином хотел сказать. Недавно, в декабре, я провел несколько творческих вечеров в Израиле. Читал Пушкина. Концерты были большие, напряженные. Уставал. В единственный свободный день не осталось сил ни на прогулку по городу, ни на посещение святынь. С Семеном Злотниковым, моим старым другом, мы сидели в иерусалимском лесу и влегкую выпивали. Лес показался мне священным. Там, на камнях Иудейской пустыни, раньше ничего не росло. И не могло расти. И вот - стоит лес. Его посадили люди. Я обратил внимание на маленькие таблички: эти деревья посажены французской делегацией, приезжавшей на научную конференцию в 52-м году, этот участок выращен англичанами... Труд, который сродни творению.

Смотрел я на шумящие деревья и думал: что мы оставим после себя? Впрочем, такие мысли приходят в голову не только в иерусалимском лесу...

«Ящик, box, коробка - это ведь еще и синонимы слова «голова». Поэтому содержимым ящика можно назвать мысли человека, то, чем он живет, о чем думает».

ТОВАРИЩ! А ТЫ РАЗМЕСТИЛ СВОЮ РЕКЛАМУ В РУБРИКЕ «ПОКУПАЙ РОССИЙСКОЕ!»?

Только в «Комсомольской правде» отечественные предприятия производят сверххорошие условия для размещения рекламных материалов.

Ближайшие выпуски
«ПОКУПАЙ
РОССИЙСКОЕ!»
10 и 24 февраля.

Тел.: (095)
257-53-05, 257-50-34
257-50-70, 257-57-57

